

Надо возделывать свой сад
«Черный монах» А.П.Чехова в X классе

Харитоновна О.Н.

Нынешний вариант школьной программы по литературе предоставляет учителю существенный простор в выборе текстов для чтения и изучения.

Так, в разделе, посвященном творчеству А.П. Чехова в X классе, значится: «Ионыч» и другие рассказы (по выбору учителя и учащихся). Согласно сложившейся многолетней традиции, на уроках разбираются «Человек в футляре», «Крыжовник», «О любви», «Дом с мезонином», «Палата № 6». В последнее время предмет пристального внимания словесников все чаще становится философская проза Чехова. Я останавливаюсь обычно на трех произведениях: это, прежде всего, рассказы «Студент», «Скрипка Ротшильда» и, наконец, «Черный монах». «Черный монах» — одно из самых загадочных творений Чехова, которое вызвало чрезвычайно разноречивые отклики с момента опубликования. На изучение рассказа отвожу не менее двух уроков.

НАДО ВОЗДЕЛЫВАТЬ СВОЙ САД

Урок 1.

«Надо возделывать свой сад» (*Вольтер*)

«Прелюдией» к уроку может послужить краткое сообщение одного из учащихся о том, как возник замысел произведения, что позволит понять роль биографического материала в творческом процессе. При подготовке этого сообщения советую использовать воспоминания Марии Павловны и Михаила Павловича Чеховых². Брат и сестра писателя в своих записках воссоздали удивительную духовную атмосферу, господствовавшую в тот период времени в мелиховском доме. «...Приезд Потапенко и Лики сильно развлекал его (А.П.Чехова. — О.Х.)... Лика садилась за рояль и начинала петь входившую тогда в моду «Валахскую легенду» Газтано Брага. <...> Выходило очень хорошо. В доме поют красивый романс, а в открытые окна слышатся крики птиц и доносится действительно одурманивающий аромат цветов, щедро насаженных в саду нашей сестрой Марией Павловной. Антон Павлович находил в этом романсе что-то мистическое <...> этот романс имел большое отношение к происхождению его рассказа «Черный монах»³.

Прослушивание на уроке грамзаписи романса создаст необходимый эмоциональный настрой, поможет учащимся погрузиться в атмосферу, говоря словами М.П. Чехова, «красивого романтизма», ощутить ту неповторимую «ауру», которая способствовала рождению такого шедевра, как «Черный монах».

В рассказе «Валахскую легенду» исполняет на домашней вечеринке Таня, затем пение «серенады» о «девушке, больной воображением, которая слышала ночью в саду таинственные звуки и решила, что это гармония священная, нам, смертным, непонятная», доносится до слуха главного героя незадолго до его трагической кончины. Коврин силится и никак не может постигнуть смысл слов песни. Попробуем это сделать мы.

— Какие два мира противостоят друг другу в художественной системе романса? — задаю ребятам вопрос.

В «Валахской легенде» налицо все атрибуты романтического произведения: таинственная обстановка, в которой происходит действие, типично романтический — ночной — пейзаж, вмешательство мистических сил, разочарованность героини, страдающей не столько от физического недуга, сколько от непонимания окружающих. Свойственная эстетике романтизма идея двоимирия лежит в основе художественного воспроизведения действительности в «Легенде». Два мира противостоят друг другу: мир обыденного сознания — он представлен матерью больной девушки — и мир возвышенный, идеальный, пленивший вообра-

жение самой героини и данный ей в ее больных грезах. Подобное противостояние имеет место и в «Черном монахе»: интерпретация традиционно романтического конфликта гения и толпы, поэзии и прозаической повседневности, больного и здорового сознаний.

Обратимся непосредственно к тексту чеховского рассказа.

В центре внимания писателя в «Черном монахе» находится неординарная личность молодого ученого-философа, подающего большие надежды. «Он (Песоцкий. — О.Х.) гордится вами. Вы ученый, необыкновенный человек, вы сделали себе блестящую карьеру, — говорит Коврину Таня. — <...> Вы мужчина, живете уже своею, интересною жизнью, вы величина...»

- Что составляет содержание внутренней жизни Коврина?
- Какое место в духовном мире героя занимает творчество?
- Как отношение к природе помогает раскрыть характер героя?

Эти вопросы, адресованные старшеклассникам, положат начало беседе.

Содержанием всей жизни Андрея Васильевича Коврина является научная деятельность. Когда Песоцкий спрашивает, не «прискучило» ли Коврину заниматься философией, последний отвечает: «Напротив, только этим и живу». Герою свойственны высокие творческие порывы. Даже в краткие часы отдохновения от трудов он «думал о том, что скоро опять сядет за работу. Он спал так мало, что все удивлялись».

Огромное место в жизни героя отведено общению с миром природы. Пребыванию в большом «оживленном» фруктовом саду, где «от раннего утра до вечера около деревьев, кустов на аллеях и клумбах, как муравьи, копошились люди с тачками, мотыгами и лейками», Коврин предпочитает уединение, поэтому больше всего у Песоцких ему приходится по душе старинный парк. Прочитаем его описание (I глава).

Таинственный, овеванный романтикой в своей «дикости» и «угрюмости», парк «тянулся на целую версту от дома до реки». Акцентируем внимание учащихся на таких деталях пейзажа, как «обрывистый глинистый берег», «сосны с обнажившимися корнями, похожими на мохнатые лапы», и особенно на замечание автора о том, что «внизу нелюдимо блестела вода». Писатель воссоздает картину природного уголка, лишённого следов человеческого вмешательства. Везде лежит печать заброшенности. Изображение парка завершается многозначительно: «...и всегда тут было такое настроение, что хоть садись и балладу пиши». Последняя фраза помогает понять, что общение с природой и творческий процесс неразрывно связаны в жизни чеховского героя. Взаимодействие с природой по-своему «заряжает» Коврина. Для доказательства этого можно обратиться еще к одному эпизоду из I главы: Коврин за работой. «Он внимательно читал, делал заметки и изредка поднимал глаза, чтобы взглянуть на открытые окна или на свежие, еще мокрые от росы цветы, стоявшие на столе, и опять опускал глаза в книгу, и ему казалось, что в нем каждая жилочка дрожит и играет от удовольствия». Как видим, природа словно посылает герою импульсы, вызывая прилив творческой энергии, стимулируя воображение.

Интересно рассмотреть на уроке также еще один эпизод — из II главы произведения: «По тропинке, бежавшей по крутому берегу мимо обнаженных корней, он спустился вниз к воде. <...> Коврин по лавам перешел на другую сторону. Перед ним теперь лежало широкое поле, покрытое молодою, еще не цветущей рожью. Ни человеческого жилья, ни живой души вдали, и кажется, что тропинка, если пойти по ней, приведет в то самое неизвестное загадочное место, куда только что опустилось солнце и где так широко и величаво пламенеет вечерняя заря. «Как здесь просторно, свободно, тихо! — думал Коврин, идя по тропинке. — И кажется, весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его...» Для героя характерно восприятие природы как некоего живого организма, как своего рода личности, равновеликой человеку. Подобное отношение к природе знакомо старшеклассникам по элегиям В.А. Жуковского, стихотворениям Ф.И. Тютчева. Вспомним, например, знаменитые тютчевские строки:

Не то, что мните вы, природа:

Не слепок, не бездушный лик —

В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Таким образом, природа и человек образуют единство, и созерцание природы сопряжено с познанием самого себя и — в плане более глобальном — с постижением сущности мироздания. Узенькая береговая тропка мнится герою своего рода путеводной нитью, способной, если довериться ей, привести туда, где будет найден ответ на главные вопросы бытия. Причем природа, в представлении Коврина, выступает как бы инициатором контакта с человеком: «...весь мир смотрит на меня, притаился и ждет, чтобы я понял его...»

– А какой характер носит общение с природой у Егора Семеновича и Тани?

– Что значит для них сад?

Образ сада символичен; через изображение того, каким он видится персонажам повести, Чехов воспроизводит их мироотношение. Восприятие природы, таким образом, высвечивает личностную сущность героев произведения.

Отношение Песоцких к природе в корне отлично от ковринского. Если для Коврина природа есть *субъект обращения* в большом философском *диалоге с вселенной*, то для Песоцких она всего лишь объект хозяйственной деятельности.

Егор Семенович и Таня дорожат полезной, «коммерческой» частью сада — фруктовыми деревьями, способными плодоносить. В этой части сада не найти уголка, куда не добрались бы хлопотливые хозяйские руки. Тут все возделано, ухожено: «Деревья тут стояли в шашечном порядке, ряды их были прямы и правильны, как шеренги солдат <...>, деревья были одного роста и имели совершенно одинаковые кроны». Однообразие природной картины, вызывающее у Коврина скуку, Егора Семеновича, напротив, восхищает. Сад для Песоцкого, по его собственным словам, «учреждение», приносящее «несколько тысяч чистого дохода». Именно такой сад — сад как учреждение — занимает главное место в жизни его хозяев, ему отданы все их труды, все радения и даже ночные бдения (Таня не ложится спать до часу ночи — смотрит, все ли в порядке; Егор Семенович встает в три часа, чтобы продолжить наблюдения). Не может Песоцкий отрешиться от хлопот по саду даже тогда, когда в Борисовку после пятилетнего отсутствия приезжает воспитанник, заменивший ему сына. «Вид он имел крайне озабоченный, все куда-то торопился и с таким выражением, как будто опоздай он хоть на одну минуту, то все погибло!» — таким предстал Песоцкий перед Ковриным во время их первого разговора. Вместо приветствия звучит вопрос-жалоба: «Вот, брат, история... На поверхности земли, как видишь, мороз, а подними на палке термометр сажени на две повыше земли, там тепло... Отчего это так?» «Я очень рад, что ты приехал. Несказанно рад...» — эти слова, обращенные к Коврину, Песоцкий «бормочет» скороговоркой, в продолжение разговора постоянно к чему-то прислушивается: поглощенность хозяйственными заботами мешает ему в полной мере сосредоточиться на личности собеседника, не дает насладиться встречей (хотя Егор Семенович искренне обрадован приездом питомца). В довершение всего Песоцкий спешит удивить Коврина размахом своей деятельности: «Потом он <...> обошел весь сад и показал своему бывшему воспитаннику все оранжереи, теплицы, грунтовые сараи и свои две пасеки, которые называл чудом нашего столетия». Показательны здесь авторские ремарки: все это Песоцкий делает «с озабоченным лицом», передвигается он «быстрой походкой», говорит, «останавливаясь, чтобы перевести дух».

Возникает резонный вопрос:

— Не заслоняет ли увлеченность садоводством реальную жизнь от героя? Не является ли хозяйственная деятельность Песоцкого своего рода «футляром»?

Жизнь Песоцких действительно довольно ограничена, и они сами осознают это. Таня жалуется Коврину на «оскопленность» домашнего бытия: «У нас неинтересные знакомые, да и тех мало. У нас только сад, сад, сад, — и больше ничего. Штаб, полуштаб, <...> апорт, ранет, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла в сад, мне даже ничего никогда не снится, кроме яблонь и груш». Саду в усадьбе Песоцких приносятся самые большие жертвы — человеческие. И дело здесь не только в том, что отсутствие свободного времени предельно сузило круг общения героев. «Футлярность» Песоцкого прояв-

ляется в недоверии и какой-то враждебности по отношению к окружающим. Своих работников он постоянно подозревает в недобросовестности. Всякий «чужой человек», как возможный претендент на руку Тани, для него «первый враг», похуже древесного вредителя. Подобно герою «Крыжовника», пожертвовавшему жизнью супруги ради реализации своей *idée fixe*, Егор Семенович готов поставить на карту счастье дочери: «Выйдет замуж, пойдут дети, тут уже о саде некогда думать. <...> В нашем деле бабы — бич божий! <...> Может, это и эгоизм, но откровенно говорю: не хочу, чтобы Таня шла замуж. Боюсь!»

И тем не менее Песоцкого, думается, нельзя безапелляционно записывать в отряд «человеков в футляре». Наряду с прагматизмом, ему свойственна и мечтательность — в этом убеждают его размышления о внуке-садоводе. А сколько фантазии он проявляет в так называемой «декоративной части сада»! «Шпалеры из фруктовых деревьев», «шаровидные дубы и липы», «зонт из яблони», «арки, вензеля, канделябры и даже 1862 из слив — цифра, означавшая год, когда Песоцкий впервые занялся садоводством» — разве не говорят все эти «причуды» о художнической жилке в характере героя?! Возможно, было бы преувеличением относить Песоцкого к числу личностей, которым «нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар» для проявления «свойств своего свободного духа», но по-своему он не лишен способности широко, масштабно мыслить и действовать: так, он гордится своим садом как объектом «государственной важности, потому что это, так сказать, ступень в новую эру русского хозяйства». Песоцкий принадлежит к тому же типу подвижника, творца, что и Коврин, и отличается так же, как и последний, как и вообще, наверное, любой энтузиаст, «повышенной чувствительностью», даже «нервностью» натуры. Значит, несмотря на полярность двух героев, у них немало общего — и Чехов не раз обращает на это внимание читателя. Как и следовало ожидать, далекий от конкретных проблем садоводства и огородничества, ученый-философ «ничего не понял» в трудах Песоцкого, имеющих сугубо практическую направленность. Однако «неспокойный, неровный тон» повествования и «почти болезненный задор», с которым написаны статьи, затронули какие-то важные струны в душе Коврина: впечатление, произведенное чтением этих статей, сравнимо только с «возбуждением», испытываемым от встречи с большим искусством: «...приятное возбуждение, то самое, с каким он давеча <...> слушал музыку, теперь томило его и вызывало в нем множество мыслей... Он сел на диван и обнял голову руками, сдерживая непонятную радость, наполнявшую все его существо <...>. Ему хотелось чего-то гигантского, необъятного...» Может быть, именно в сходстве творческих темпераментов, в беспредельной самозабвенности, с которой оба отдаются каждый день своему призванию, и заключен секрет взаимного тяготения героев? Может быть, здесь кроется разгадка того, почему именно Коврина Песоцкий хочет видеть своим преемником?

– А что сблизило Коврина и Таню? Можно ли их назвать родственными душами?

Коврин смотрит на Таню глазами влюбленного романтика, отождествляя ее с героиней «Валахской легенды».

Всматриваясь в черты ее внешнего облика: «широко раскрытые, темные, умные» глаза, «выразительную мимику и жестикуляцию», «торопливую походку» — Коврин делает вывод: «Должно быть, нервна в высшей степени», — и это *нервна* оказывается для него, в конечном счете, синонимом незаурядности. Коврину хочется найти в дочери Егора Семеновича родственную душу. «И он чувствовал, что его полубольным, издерганным нервам, как железо магниту, отвечают нервы этой плачущей, вздрагивающей девушки». Но герой не подозревает, что «нервность» Тани имеет совершенно иную природу, нежели его собственная. Нервность Коврина — это чуткость тонко организованной, творческой натуры, способной улавливать «пульс» природной жизни, реагировать на его «удары». В основе Таниной нервности большей частью лежит житейская обеспокоенность неустроенностью личной судьбы. Героине чужда поэтическая мечтательность, ей не дано воспарить над обыденностью (исключение отчасти составляют ее переживания перед свадьбой). Подчас она производит впечатление человека, еще более приземленного, чем ее отец, порой рассудочность в ней граничит с расчетливостью. Вспомним ее ссору с отцом (IV глава). Вот как она объясняет причи-

ну размолвки: «Я только сказала, что нет надобности держать лишних работников, если... если можно когда угодно иметь поденщиков. Ведь... ведь работники уже целую неделю ничего не делают...»

Подвести итоги разговора на уроке поможет обращение к известному высказыванию Вольтера: «Надо возделывать свой сад» (слова Кандида из одноименной повести).

– Каков главный смысл поучения? Что подразумевал великий философ-просветитель под словом сад?

– Применим ли этот афоризм к чеховским героям? Как содержание знаменитой вольтеровской формулы реализуется в жизненной программе главных действующих лиц рассказа?

– Соотносимы ли крылатые слова героя Вольтера с тем, чему учил Коврина черный монах: «...в доме Отца Моего обители многи суть»? Как эта цитата из Библии помогает понять авторскую позицию по отношению к героям рассказа «Черный монах»?

Такое обращение позволит старшеклассникам выйти к притчевому пласту произведения. А об итогах жизненного пути главных героев рассказа: привела ли их «звезда» в «дивный сад»? — речь впереди, на следующем занятии.

Урок 2. «Мне день и ночь покоя не дает мой черный человек» (А.С. Пушкин)

Рождением образа черного монаха Чехов обязан... области сновидений. Вот что сообщает об этом брат писателя М.П. Чехов в своих воспоминаниях: «Сижу я как-то после обеда у самого дома на лавочке, и вдруг выбегает брат Антон и как-то странно начинает ходить и тереть себе лоб и глаза <...> — Я видел сейчас страшный сон. Мне приснился черный монах. Впечатление черного монаха было настолько сильное, что брат Антон долго не мог успокоиться и долго потом говорил о монахе, пока, наконец, не написал о нем известный рассказ. Мне до сих пор непонятно и странно только одно: почему в письме к Суворину от 25 января 1894 года <...> сам А.П. говорит следующее: "Монах же, несущийся через поле, приснился мне, и я, проснувшись утром, рассказал о нем Мише". Эпизод этот произошел не утром, а в два часа дня, после послеобеденного сна. Впрочем, дело было летом, а письмо было написано зимой, так что не мудрено было и забыть. Да и сущность рассказа брата не в часе!».

— Каков же смысл образа черного монаха?

Что он призван символизировать?

Разговор об образе черного монаха начнем с обсуждения пространственных и временных характеристик миража. «...Образ черного монаха стал без конца (выделено мной. — О.Х.) передаваться из одного слоя атмосферы в другой», — читаем в повести. Значит, мираж этот во временном отношении вечен. Что же касается его существования в пространстве, автор указывает, будто возник он от образа вполне реального человека («Тысячу лет тому назад какой-то монах <..> шел по пустыне...»), в течение некоторого времени был привязан к земной географии («Его видели то в Африке, то в Испании, то в Индии, то на Дальнем Севере...»), а затем «вышел из пределов земной атмосферы и теперь блуждает по всей вселенной», то есть стал явлением надмирного, космического масштаба. По словам Коврина, «самая суть, самый гвоздь легенды заключается в том, что ровно через тысячу лет после того, как монах шел по пустыне, мираж опять попадет в земную атмосферу и покажется людям. И будто бы эта тысяча лет уже на исходе...».

В легенде этой легко усмотреть своеобразную интерпретацию евангельского мифа об Иисусе Христе, его скитаниях по пустыне, вознесении и ожидании его второго пришествия.

В речи черного монаха встречаются цитаты из Библии, да и сами идеи, которые он внушает Коврину, несут на себе отсвет Священного Писания. Так, разговор между героями рассказа идет о «вечной жизни», о людском бессмертии и ожидающей человечество «великой, блестящей будущности». Обещанное монахом «царство вечной правды», где «благословение Божие» «почило на людях», — что это, как не «Новый Иерусалим», о котором упоминается в Апокалипсисе?

С проблемой «вечной жизни» в проповедях монаха оказывается связанной проблема познания и идея избранничества. Поскольку «вечная жизнь» представит бесчисленные и не-

исчерпаемые источники для познания», да и самая цель ее есть «наслаждение познанием», как утверждает черный монах, необыкновенно возрастут роль и значение познающего субъекта — «избранников Божиих», служащих, в отличие от «обыкновенных», «стадных людей» с их заурядными мелочными заботами, «вечной правде». Коврина монах как раз и относит к числу подлинных «служителей вечному началу», чей удел — «на несколько тысяч лет раньше сделать человечество достойным царствия божия».

Монах призывает Коврина до конца исполнить свое высокое назначение и «отдать идее все

– молодость, силы, здоровье, быть готовым умереть для общего блага», то есть по сути повторить подвиг Христа. О такой стезе Ф.М. Достоевский писал в записных книжках: «...высочайшее употребление, которое может сделать человек из своей личности, из полноты развития своего «я»,

– это как бы уничтожить это «я», отдать его целиком всем и каждому безраздельно и беззаветно. И это величайшее счастье <...> Один Христос мог, но Христос был вековечный от века идеал, к которому стремится и по закону природы должен стремиться человек»⁵.

Таким образом, черный монах как бы осуществляет функцию посредника между земным, материальным миром и высшим идеальным бытием. Его роль сродни миссии пророка, провозвестника божественной истины.

Создавая образ черного монаха, Чехов опирался не только на религиозные источники, но и на фольклорный материал. Посмотрим, например, как описано в рассказе самое появление монаха. Начинается волнение в природе: «Но вот по ржи побежали волны, <...> зашумела рожь, и послышался сзади глухой ропот сосен». Мощный порыв стихии будто выносит призрак из каких-то тайных глубин вселенной: усиливающийся ветер преобразуется в «вихрь или смерч», в поднимающийся «от земли до неба высокий черный стон(>- который «не стоял на месте, а двигался с страшной быстротой». Несомненно, во всем здесь про ступает «почерк» сказочных колдовских сил. «Только пошло время за полночь, сыра земля закачалась, воды в реке взволновались, буйны ветры завывли, на дубах орлы закричали... выезжает чудо-юдо...» — читаем в народной сказке про Ивана — крестьянского сына. А вот описание вторжения колдуна в сказке «Медное, серебряное и золотое царства»: «Только сказать успела, вдруг на дворе потемнело, все вокруг затряслось. Налетел вихрь, влетел в горницу...» Об исчезновении героев в волшебных сказках говорится обычно в таких выражениях: «оземь грянулся и обернулся...», «ударился об пол, сделался соколом и улетел», «...и пропал из глаз». Выйдя из лона грозной природной стихии, герои народных сказок с ней же сливаются — неважно, каким способом и в каком обличье. Эта сказочная традиция явственно ощутима и в «Черном монахе»: «Опять начиная расти, он <...> неслышно *ударился* (здесь и далее выделено мной. — О.Х.) о *глинистый берег* и сосны и, пройдя сквозь них, *исчез как дым*». Ковринский посетитель уходит бесшумно, словно растворяясь в пространстве: «...черты его туманились и расплывались <...>; туловище его смешалось со скамьей и с вечерними сумерками, и он исчез совсем».

Однако эта «оптическая несообразность», с точки зрения медицинской, не более чем галлюцинация, порожденная воспаленным мозгом переутомившегося ученого. Творческая одержимость героя оборачивается безумием — раздвоением личности, и образ черного монаха есть не что иное, как alter ego Коврина, персонификация его напряженных философских раздумий. «Странно, ты повторяешь то, что часто мне самому приходит в голову, — сказал Коврин. — Ты как будто подсмотрел и подслушал мои сокровенные мысли».

Именно как на душевную болезнь смотрят на все происходящее с Андреем Васильевичем его близкие — Таня и Егор Семенович. Симптомы психического нездоровья отмечает у себя и сам Коврин, но, даже прекрасно отдавая себе отчет в том, что имеет дело всего лишь с галлюцинацией в образе черного монаха, герой необыкновенно дорожит этими «контактами», ибо они дарят ему чувство уверенности в себе, ощущение гармоничности бытия: «А Коврин работал с прежним усердием и не замечал сутолоки. <...> Раз или два в

неделю, в парке или в доме, он встречался с черным монахом и подолгу беседовал с ним, но это не пугало, а, напротив, восхищало его <...>. То, что говорил черный монах <...>, придавало его работе особенное, необыкновенное значение и наполняло его душу гордостью, сознанием собственной высоты». Любовь ко всему сущему, несказанная радость переполняют душу героя. «Я только что пережил светлые, чудные, неземные минуты, — с восторгом признается Коврин Тане. — <...> Я хочу любви, которая захватила бы меня всего... Я счастлив! Счастлив!» «...От утра до ночи я испытываю одну только радость, она наполняет всего меня и заглушает все остальные чувства. Я не знаю, что такое грусть, печаль или скука». Явление фантома останется для Коврина и впоследствии знаком творческого взлета, символом душевной настроенности на волну «вечной правды».

Люби ближнего, будь всегда бодр духом, не впадай в уныние, оставайся верен себе, своим главным жизненным принципам — так ты исполнишь свое человеческое назначение и получишь в награду «царствие Божие». Нехитрая жизненная программа. Но как нелегко бывает следовать этим известным всем и каждому заповедям. И тем важнее, что «сумасшедший» Коврин, как никакой другой герой рассказа, был близок к выполнению этой евангельской мудрости. Когда же его «вылечили» и он перестал видеть черного монаха — изменилось и умонастроение героя.

Рассказ имеет ярко выраженную кольцевую композицию, и эпизод встречи героя с садом на новом жизненном этапе позволяет выявить разницу между прежним Ковриным и Ковриным нынешним.

Задание классу:

— Прочитайте описание прогулки Коврина во время его последнего приезда в деревню (VIII глава). Сопоставьте данную пейзажную зарисовку с картиной природы во II главе. Какие чувства испытывал герой год назад? Что ощущает он теперь? Как встречала его природа раньше и как встречает сейчас?

«Цветы... издавали влажный, раздражающий запах» — «Не замечая роскошных цветов, он погулял по саду...»; «Широко и величаво пламенеет вечерняя заря» — «Начала тускнеть вечерняя заря»; «...по ржи побежали волны»; «зашумела рожь» — «Там, где в прошлом году была рожь, теперь лежал в рядах скошенный овес»; «...и легкий вечерний ветерок нежно коснулся его непокрытой головы. Через минуту опять порыв ветра, но уже сильнее, ...и послышался сзади глухой ропот сосен» — «Было тихо». «Угрюмые сосны с мохнатыми корнями, которые в прошлом году видели его здесь таким молодым, радостным и бодрым, теперь не шептались, а стояли неподвижные и немые, точно не узнавали его».

Мироощущение героя: «...довольный одним тем, что ему удалось так близко и так ясно видеть... монаха» — «...и Коврину стало скучно»; «...приятно взволнованный, он вернулся домой» — «...он, вялый, неудовлетворенный, вернулся домой»; «Он громко смеялся, пел, танцевал мазурку, ему было весело...» — «Он почувствовал сильное раздражение», «проговорил с тоской», «сказал с досадой»; «...все, гости и Таня, находили, что сегодня у него лицо какое-то особенное, лучезарное, вдохновенное, и что он очень интересен» — «Его лицо показалось Тане некрасивым и неприятным <...> она замечала, что на его лице уже чего-то недостает».

В основе контрапунктной соотнесенности эпизодов лежит антитеза «движение — покой». Во время первого приезда к Песоцким Коврин испытывал душевный подъем. Динамичный пейзаж как нельзя лучше отражал внутреннее состояние чеховского персонажа. Год спустя герой спокойно и равнодушно прогуливается по тем местам, которые некогда вызывали в нем волнение и прилив творческой энергии. Излечившись от нервного расстройства, он вместе с тем утратил способность воспринимать красоту окружающего мира. Отдаленные уголки парка уже не манят своей таинственностью, картины природы больше не расцвечены в его глазах романтическими красками. И природа теперь «безмолвствует» при встрече, воспринимая его как чужого. Вместе с визитом «черного гостя» из жизни Коврина ушли радость, любовь, упоение творчеством, сменившись скукой и раздражением. С негодованием

обрушивается Коврин на своих врачевателей: «Зачем, зачем вы меня лечили? <...> Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, ни и то я такой, как все: я — посредственность, МНЕ скучно жить... <...> Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением и цивилизация погибнет».

- Чем вызвана духовная опустошенность Коврина?
- Почему он не состоялся как личность?
- Имеет ли герой основания обвинять окружающих?

Думается, достаточных оснований столь резко обвинять окружающих людей у Коврина нет: Таня и ее отец искренне желали ему блага и творили добро так, как это разумели. Не случайно в ответ на поток ковринских претензий Песоцкий лишь недоуменно вздыхает: «Бог знает, что ты говоришь!» В том, что духовный потенциал главного героя рассказа остался нереализованным, виноват в первую очередь он сам. Восторг творчества и жажда самоутверждения соседствовали в нем с глубокими сомнениями в собственной значимости.

Радость, сопровождавшая осознание героем своей неординарности, — Коврин то по детски самозабвенно предавался ей, то вдруг почему-то начинал страшиться ее, совеститься своих чувств. Последний разговор с монахом (VII глава) — свидетельство душевного смятения героя. В сложном и многотрудном процессе построения себя как личности Коврину недоставало главного «строительного материала» — веры в себя; он перестал прислушиваться к своему внутреннему я и вверился голосу толпы.

Именно в этом упрекает Коврина монах, явившийся герою незадолго до смерти. «Отчего ты не поверил мне? — спросил он с укоризной, глядя ласково на Коврина. — Если бы ты поверил мне тогда, что ты гений, то эти два года ты провел бы не так печально и скудно».

Когда же Коврин находит в себе силы порвать с «залечившей» его средой, его ожидает расплата за компромисс. Он сумел добиться «самостоятельной кафедры» и должности профессора, но по-прежнему лишен вдохновения. «Конспект небольшой компилятивной работы» и лекции, в которых он «излагает вялым, скучным, тяжелым языком обыкновенные и притом чужие мысли», заменяют ему «чудесную науку».

Черного монаха «вылеченный» Коврин не забыл, но о былых видениях вспоминает со страхом и содроганием. В здоровом сознании посредственности эти видения ассоциируются с утратами последних лет: «Оттого, что несчастная, убитая горем Таня в своем письме проклинала его и желала ему гибели, ему было жутко, и он мельком взглядывал на дверь, как бы боясь, чтобы не вошла в номер и не распорядилась им опять та неведомая сила, которая в какие-нибудь два года произвела столько разрушений в его жизни...» Образ черного призрака как предвестника трагических событий возникал в рассказе и дальше. Вот одна из сцен: «Однажды монах явился во время обеда и сел в столовой у окна. Коврин обрадовался и очень ловко завел разговор с Егором Семенычем и с Таней о том, что могло быть интересно для монаха; черный гость слушал и приветливо кивал головой, а Егор Семеныч и Таня тоже слушали и весело улыбались, не подозревая, что Коврин говорит не с ними, а со своей галлюцинацией». Интересно отметить, что эта сюжетная ситуация из чеховского рассказа почти напрямую перекликается со сценой в трактуре из пушкинской трагедии «Моцарт и Сальери».

М о ц а р т .

Мне день и ночь покоя не дает
Мой черный человек. За мною всюду,
Как тень, он гонится. Вот и теперь
Мне кажется, он с нами сам-третьей
Сидит.

Образ таинственного незнакомца в черном, заказавшего Моцарту реквием и незримо преследующего композитора, у Пушкина — символ смерти, ее предвещение. Пушкинский Моцарт чувствует близость смерти, подсознательно предугадывая, что написал реквием са-

мому себе. Поэтому внутренний пафос сцены тревожный, трагический. У Чехова ни Коврин, ни отец и дочь Песоцкие не подозревают о драме, которая вскорости разразится в их семействе, однако появление «черного человека» также сигнал неблагополучия, грядущего разлада между героями. Исходя из этого можно заключить, что черный монах — образ многозначный и динамичный.

Но вернемся к Коврину последнего периода его жизни. «Коврин теперь ясно сознавал, что он — посредственность, и охотно мирился с этим...» Он оставил свои высокие устремления и «доволен тем, что он есть». Неужели перед нами двойник Ионыча? Повесть «Ионыч» будет написана Чеховым спустя четыре года после «Черного монаха», и конфликт в ней будет разрешен в пользу обыденности и пошлости, торжествующих над духовностью, романтикой. Но персонажу из самых поэтических, самых фантастических своих произведений — Андрею Васильевичу Коврину — писатель не мог и не хотел уготовить судьбу доктора Старцева. В финале рассказа героем снова овладевает беспокойство — то самое беспокойство, которое означает, что душа не омертвела и распахнута навстречу волнениям жизни. Природа готова принять его в свои объятия: «Бухта, как живая, глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе». Многоцветие мира вновь открылось Коврину. «Он звал Таню, звал большой сад с роскошными цветами, обрызганными росой, звал парк, сосны с мохнатыми корнями, ржаное поле, свою чудесную науку, свою молодость, смелость, радость, звал жизнь, которая была так прекрасна». Над телом Коврина «колдует» его прежний черный визитер. Монах-призрак шепчет угасающему герою, что тот «умирает потому только, что его слабое человеческое тело уже утеряло равновесие и не может больше служить оболочкой для гения». Конечно, приобщение чеховского героя «священной гармонии» иллюзорно. Жизнь, жизнь подлинная прошла мимо Коврина. Позади — невозделанное пространство аллегорического «сада», разрушенные судьбы близких. И сколько бы ни прогонял от себя Коврин мысли об этом перед смертью, укору совести настигают его вновь и вновь, подобно тому как ветер возвращает и рассыпает перед ним на подоконнике брошенные им за окошко клочки Таниного письма-проклятия. Но, несмотря ни на что, в глазах автора герой заслуживает прощения. Коврин умирает с блаженной улыбкой на устах. Быть может, покинув земное здесь, он обретет душевное спасение там?

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об изучении в школьной практике рассказа «Студент» см.: ХАРИТОНОВА О.Н. Философская новелла А.П. Чехова «Студент» на уроке литературы в X классе // Литература в школе. — 1993. — № 6.
2. ЧЕХОВА М.П. Из далекого прошлого // Вокруг Чехова. - М., 1990. - С. 331-332; ЧЕХОВ М.П. Вокруг Чехова. Встречи и впечатления // Вокруг Чехова. - М., 1990. - С. 295-297.
3. ЧЕХОВ М.П. Указ. соч. - С. 295. ' Там же. - С. 296-297.
4. ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Поли. собр. соч.: В 30 т. - Л., 1980. - Т. 20. - С. 172.